

Анна Галанина

Мир фонарей

* * *

Мир фонарей светел,
свет фонарей бежев.
Каждый фонарь смертен
утром, в ночи – реже.
Ломок его голос,
враг фонаря – камень.
Жизнь фонаря – волос
из неживой ткани.
До фонаря звездам
то, что фонарь светит.
От фонаря создан
мир. И живет с этим.

* * *

Мы умерли и проснулись,
бескрылые тени птиц
в разломе убитых улиц,
в потоке неясных лиц.
Пока опадали комья
отпущенной нам земли,
забыли о том, что помним,
и прочее отмели.
Проснулись. Вязала мама,
а папа смотрел в окно.

За стенкой учили гаммы,
и скрипка визжала, но
летел по двору ракетой
твой новенький самокат,
а я шнуровала кеды.
Была я сестра и брат,
и мать, и отец, и город,
и, кажется, влюблена –
наверное, это повод
забыть, что была вина,
война, и рука, и камень,
и горе, и все не в счет.
Закончилась под ногами
земля. Мама хлеб печет.
С разбитой коленки вата
срывается – боли нет.
И нас нет. Остался атом,
в котором остался свет.

* * *

После победы не до обиды.
Белые правы. Черные биты.
Нежно сияют звонкие шашки,
шахматы водят с фишками шашни,
и, как обычно, сбитые пешки
недосчитались брошенных в спешке.
Время прекрасное после победы,
бой обернулся званым обедом,
но из горбушки выгрызен лапоть –
в корочке черной белая мякоть.
Серые тени (не кардиналы)
чавкают чем-то, что перепало,
кости кидают и между делом
цыкают зубом черным – на белых.

* * *

Двор был стар, а дворник болен,
и в пространстве не совпали,
отпустили снег на волю,
чтоб жильцы его топтали.
Те старались и до ночи
провели черту-тропинку
и пунктир в обход песочниц
шириною в полботинка.
Но к утру пришли метели,
замели тропу и двери.
Дворник прятался в постели,
виновато здоровея,
водку пил глотком не мелким
с тем, что доктор прописала,
и мечтал о деревеньке,
где сугробы цвета сала.
Нос мусолил занавеской,
вдаль смотрел – уйти б туда-то...
Но в дверях стояла веско
деревянная лопата.

* * *

Похрапывал скорый поезд,
поскрипывал мимо звезд,
и только, не успокоясь,
крутил головою хвост.
Позвякивали стаканы,
и ложки бренчали так,
что пятки у великанов
качались на полках в такт.
Дымил сигаретно тамбур
и лунно пылился свет,
и сослепу двери как бы
ворчали идущим вслед.

И поезд пыхтел устало,
так тьму прорезает крот,
от пункта, где все пропало,
к другому, где все пройдет.

Москва – Минск

